

Фарида Фахми

ПРОФЕССОР И ЕЁ ШКОЛА

Концерт учеников Элисо Вирсаладзе

КУЛЬТУРНАЯ жизнь в Москве бурлит: мчатся кони, поют тибетские монахи, в Большом мировая премьера «Игрока». И вдруг скромный концерт учеников, правда, весьма известного профессора — любимой публикой **Элисо Вирсаладзе**. Трудно избежать апологетического тона, когда такой малозаметный концерт становится музыкальным событием и, несмотря на неполный зал, имеет огромный успех.

Предоставлять ученикам не просто консерваторский учебный концерт, а вечер в своем абонементе первым начал **Владимир Крайнев**. Поначалу публика возмущалась и хотела именно Крайнева, но «друзья и ученики» оказались таковы, что уже вскоре стали собирать переполненные залы. Так же и Вирсаладзе представила публике не столько учеников (студентку и аспирантов), сколько готовых артистов. Они очень много играют по стране и за рубежом и у Вирсаладзе приобретают именно высокую артистическую школу. Похоже, что ее школа сейчас заключается в объяснении, что чего стоит в ее профессии. Они берут от Вирсаладзе ее культуру звука, принципы особого отношения с роялем. И Элисо очевидно удается обратить их в свою

веру — ведь она слышна в каждой ноте своих учеников.

Первой играла студентка **Мария Коломийцева** шесть «Этюд» по Паганини. Листа, в том числе известную «Кампанеллу». Играла, может, и «крупновато», но без грохота, с изяществом, спокойствием и хорошей педалью. Линию Листа после этюдов логично укрупнил **Дмитрий Каприн**, хорошо известный по конкурсам имени Скрябина в Нижнем Новгороде и харьковском конкурсе Владимира Крайнева, где был лауреатом. Каприн играл Большую сонату Листа, которая заведомо опасна тем, что рассыпается на куски. Но он продемонстрировал столь поразительную лепку формы, что получасовая соната, хранящая в себе черты фантазии, развивалась в незамечаемом едином течении. Слишком торопливой оказалась fuga в конце сонаты, но в целом все было сыграно элегантно, пластично, без псевдолистовского пафоса и надрыва. Все будто возникало на естественном фоне, и каждая тема претворялась в целое. Надо заметить, что не зря, видимо, Каприн лауреат скрябинского конкурса: в Листе он вышел за пределы цент-

ристского пафоса романтического звучания, добавив что-то от слышания и нашего века.

Яков Кашнельсон исполнил сюиту Прокофьева «Ромео и Джульетта». Ему удалось намерение сыграть эти десять пьес «оркестрово» и находить краски, несвойственные фортепиано. У Кашнельсона замечательное «рубато». Правда, временами звук казался чересчур жестковат, но что делать, если образы Прокофьева первоначально рассчитаны на более объемный, но совсем не сладкий прокофьевский оркестр.

Прокофьева удачно смягчил Рахманинов, обращенный к XIX веку. Его исполнил **Алексей Володин**. Сначала это были переложения Крейсера «Муки любви» и «Радость любви», а также Скерцо из музыки Мендельсона к шекспировскому «Сну в летнюю ночь». Это было сыграно изящно, стильно, с пластичной «левой рукой», то есть подголосками, которые так важны у Рахманинова. Все пианистические трудности этих пьес были преодолены с красивой легкостью. Мендельсон мог бы быть и легче, но пианист играл рахманиновскую

программу и ориентировался на его стихи. То, что Володин любит и понимает Рахманинова, казалось во 2-й сонате. Там пианист прочувствовал полифонию Рахманинова, которая основана именно на подголосках. Он совсем избежал богатых возможностей для надрыва, но передал ее ностальгию. Удивительно, что это ощущение свойственно всей музыке Рахманинова, как будто еще сочиняя в Ивановке он предвидел поворот своей судьбы. Очень красиво звучала вторая часть, финал — без грома, который может там только предполагаться. И все сыграно, как единое целое.

Ученики Вирсаладзе технически выучены так, что не преодолевают трудностей, а просто играют. Все, видимо, играли то, что близко. Программа каждого тянула на полноценное отделение концерта и представляла самостоятельно мыслящих музыкантов. По словам Элисо, им удалось проявить самобытное ощущение той музыки, которая кочует из конкурса в конкурс. Можно лишь удивляться отсутствию коллег и ректора консерватории на таком важном для нее событии. ■

ИМПЕРАТИВЫ БЛАГОРОДСТВА

Почему концерты Элисо Вирсаладзе притягивают интеллигенцию

Независимый 202 - 2001 - 14 июня - С. 7

Михаил Жирмунский

Недавно после заметного перерыва прошли концерты **Элисо Вирсаладзе** и ее учеников, показавшие, что сегодня «интеллигентная» аура этих концертов имеет особую высокую ценность для публики. Пианистка, может, и не была столь великой, как Рихтер или Гилельс. Но выступая в годы и их расцвета, она никогда не терялась в их тени и занимала собственную нишу. Ее одухотворенная сосредоточенность и таинство общения с инструментом всегда притягивали утонченную публику.

- КАК вы думаете, откуда эта «интеллигентная» аура ваших концертов?

— Я об этом никогда не думала. Суть, наверное, в отношении к ценностям вообще. Ведь я и мое отношение к музыке не меняются.

— Но меняется многое вокруг и люди вашего поколения в том числе...

— Я думаю, во мне нет чего-то особенного. Я просто убеждена: я делаю единственное, что могу. И не могу иначе. И, наверное, не хочу. Потом у меня настолько много времени уходит на то, что мне надо делать самой, да еще и на педагогическую деятельность, что не остается ничего. Но я считаю, что мне всегда везло в каком-то смысле. Даже когда у меня было положение не из блестящих в смысле гастрольных планов. Но представьте, у меня даже нет обиды. Ведь всегда была возможность играть в лучших залах: Большой зал консерватории, Петербургская филармония. Потом российские города — они дают так много удовольственности концертной жизнью. Главное — я делала то, что мне нужно было. Я сама была для себя самым большим критиком, потому что училась в основном, проходя сложные пути сама.

— Каким видели высший смысл концерта в то время, когда вы начинали?

— Мне повезло и в том, что тогда были громадные личности именно в Советском Союзе, не избалованные ничем. И их отношение к тому, чем они занимались, было всегда невероятно честным.

— Что это значит в области фортепиано?

— Постоянное присутствие в этой профессии, без отклонений и соблазнов куда-то уйти в сторону. Конечно, всегда были интриги и в консерватории, это жизнь... Но музыка и преподаванию отдавались полностью. Во время первых гастролей Госоркестра в Америке солистом был Гилельс, на протяжении всей поездки он играл Первый концерт Чайковского, который и до того играл не один год. И дирижер Константин Иванов мне рассказывал, как Гилельс ежедневно занимался по три-четыре часа в этих сумасшедших переездах — просто не мог он иначе! Я не говорю, что сейчас люди не занимаются. Но столько всего другого. Нейгауз писал в письмах из Цихисдзвари, где он отдыхал много лет подряд, что выучил на не таком уж плохом пианино Восьмую сонату Прокофьева, Вторую сонату Шостаковича — и писал об этом с восторгом. Это не означает, что он не поехал бы с удовольствием за границу, если бы была возможность. Ведь кроме Чехословакии и Польши его никуда не выпускали. И наверняка стал бы легендарным еще более, потому что сейчас все с ума сходят от мастер-классов и открытых уроков, это так модно. А я не представляю себе более артистичного профессора, чем Нейгауз. Сейчас же многие объясняют, что надо считаться с необходимостью привнести в классическую музыку шоу, и почему-то думают, что это хорошо. Такие люди всюду мелькают, и не перестаешь удивляться, как они все успевают. Убейте меня, я не верю, что можно

Блистательная Элисо.
Фото Тани Лоусон

рекламировать что-то — и играть! Или они просто супергениальны. И потом у нас это все ново, проснулась невероятная жадность сделать все — иначе вы не живете, не в гуще событий, а должны в ней быть непременно. Мой ритм для этого не подходит.

— Бывает ли у вас отдых?

— Отдыха как такового у меня не было давно, а работаю иногда и ночью.

— Как же восполняются силы?

— Трудно сказать... Вот совсем недавно была первый раз в Израиле. Была безумная нагрузка, но те мгновения, когда удавалось поехать что-то посмотреть, те редкие полдня, когда я свободна, я умудряюсь провести так, как будто это неделя. Это от настроения зависит: абсолютное переключение и концентрация на отдыхе даже два-три часа. Это способность, которая приобретена именно из-за катастрофической нехватки времени, и даже, наверное, потребность организма.

— За последние лет 10 вы живете больше за границей?

— В связи с тем, что последние годы я преподаю в Мюнхене и переезды стали для меня такими естественными, что переключаться на ту жизнь, а потом снова на эту мне не надо, грань стерлась. Это воспринимается как само собой разумеющееся, но я помню, как была счастлива, когда первый раз повезла дочку за границу или поехала с моим супругом.

— Для чего тогда это совмещение?

— Очень просто: многие замечательные студенты-иностранцы не могут осилить обучение в Московской консерватории из-за того, что надо платить деньги. В Мюнхене они учатся бесплатно. «Хохшупле» за последнее время выросла, контингент очень сильный.

— Для вашего существования важно то, что вы зарабатываете там?

— Вы знаете, все, что я зарабатываю, идет на то, что я разъезжаю между Москвой и Мюнхеном. И потом я не привыкла много получать: получаю только за официальную работу.

— Есть ли что-то, что вам несимпатично в молодом поколении?

— То, что мне не очень симпатично, исходит часто из условий жизни, которые диктуют. Прежде всего количество конкурсов: многие принимают участие для того, чтобы заработать деньги. Поэтому какой-то спокойный процесс обучения, который необходим, не всегда получается. И возможно, больше прагматизм есть, чем раньше — раньше мы жили в какой-то оболочке, которая нас защищала: нас не пускали, и мы ничего не знали. Поэтому я не могу даже чуть-чуть осуждать.

— Пытаетесь прививать какие-то идеалы?

— Я плохой воспитатель в этом плане, ничего не прививаю. Пытаюсь просто обучать. И потом они ведь все не глупы, видят же, как я живу. Для кого-то это неплохо, а для кого-то совсем плохо, потому что стремятся к совершенно другому.

— Вас саму в жизни учили таким вещам?

— Тоже нет. Все шло в процессе общения. И потом я сама знала, «что такое хорошо и что такое плохо». Я знала: если я что-то сделала плохое и это поняла — уже хорошо, потому что никто не идеален, но если мы хотим быть лучше чуть-чуть, тогда нас учит жизнь.

— Наверное, все-таки ваша семья вам это дала.

— Семья и потом то окружение, которое, к счастью, было.

— Корни вашей семьи дворянские?

— И такие, и такие. Дворянские корни от моей бабушки пианистки, а дедушка, супруг ее, чья фамилия перешла и ко мне, — он из крестьян.

— Ощущалась разница между бабушкой и дедушкой?

— Я, к сожалению, моего деда не застала, он скончался за много лет до моего рождения. Но я знаю, что он учился в Томске — ушел из своего дома в Кутаиси, как мне рассказывали родственники, фактически без гроша в кармане. Он хотел заниматься медициной, закончил факультет Томского университета, а потом работал в Петербурге, где и познакомился с моей бабушкой. Работал с Боткиным.

— Значит, бабушка была для вас таким образом?

— Мне кажется, что они оба были. Хотя я его и не застала, но часто, когда я обижалась на горечи свои детские, то я плакала и зывала к нему — я его обожала. Судя по тому, что о нем говорили, он был человеком очень неординарным.

— Вы помните, как Анастасия Давидовна Вирсаладзе появлялась на сцене?

— Помню. Она выходила, очень боясь. Кстати, Башкиров мне часто говорил, что такой Второй концерт Шопена, как у нее, он редко слышал. Но я не застала ее лучшие годы.

— Учиться у собственной бабушки — это проблема?

— Да, потому что регулярных занятий не было. Мы жили одной семьей, у нее всегда была масса студентов, и когда у нее было время, она занималась со мной. Надо сказать, что я строптивая была ученица. Не любила заниматься черной работой. Мне все удавалось, и я все играла на слух: все, что слышала, тут же могла сыграть.

— Какой круг общения вашей семьи?

— Очень разный. И врачи были — мой папа был врачом, брат — врач. Художники, музыканты...

— Сейчас общение играет роль в вашей жизни?

— Я вообще всегда считала, что общение — это одна из самых необходимых человеку вещей. Я имею в виду общение настоящее, с людьми, тебе близкими и родственными по духу. Просто у меня после кончины моего супруга — в мае как раз один год — совсем нет никакого желания. И во время общения с его друзьями у меня такое ощущение, что его нет с нами временно.

— Среди музыкантов у вас есть друзья?

— Но вы знаете Наташу Гутман — мы много играем и с 16 лет дружим.

— Вам приходится общаться на всех семи языках, которые вы знаете?

— Почти. Поскольку у меня нет никакого стеснения из-за моих ошибок, я говорю на всех языках, на каких могу объясняться. Вот недавно с пианисткой Черны-Стефаньской мы только по-польски общались. Она не могла понять, откуда я знаю польский — мне было очень приятно.

— Люди на Западе музыкально восприимчивы?

— У нас гораздо более. Может, я не совсем права, но я сужу по эмоциям, не имея доказательств. Благодарность ведь не выражается в аплодисментах: здесь тяжело живется, а человек хочет послушать музыку несмотря на невзгоды. Он по-другому воспринимает, чем тот, кто за два года знал, что у него будет этот концерт. Но я понимаю, что в Мюнхене и вообще в Германии обожают музыку, с водителем такси можно абсолютно профессионально говорить, он называет опусы всех сочинений и рассказывает, когда сам их выучил, — этому не удивляешься. Но у них восприятие какое-то плановое. Один знакомый итальянец знает все и упивается этим, хотя в музыке ничего не понимает.

— Вы по-прежнему следите за политикой?

— Гораздо меньше, чем раньше, когда я смотрела все заседания 1-го съезда Советов, а занятия студентам назначала в перерывах — остальное время была прикована к телевизору.

— И куда же, на ваш взгляд, все у нас идет?

— Не знаю. Я перестала понимать. Я хочу надеяться, что все должно идти к улучшению ситуации, но не уверена.

— Сами ездите на машине?

— Нет.

— Пользуетесь общественным транспортом?

— Довольно часто, особенно с тех пор как получила пенсионное удостоверение. Мне было очень приятно, когда однажды я его достала, а мне сказали: «Покажите паспорт!».